

жить и умирать, тысячи, миллионы... И всё они... противоположно моему поведению—знали смысл жизни и смерти».

«Жизнь нашего круга—богатыхъ, ученыхъ—не только опротивѣла мнѣ, но потеряла всякій смыслъ. Всѣ наши дѣйствія, разсужденія, наука, искусство—одно баловство, искать смысла въ этомъ нельзя. Жизнь же всего трудящагося народа представилась мнѣ въ ея настоящемъ значеніи. Я понялъ, что это—сама жизнь и что смыслъ, придаваемый этой жизни, есть истина. И я принялъ его».

«Я сталъ сближаться съ вѣрующими изъ бѣдныхъ, простыхъ, неученыхъ, со странниками, монахами, раскольниками, мужиками»...

Въ этотъ міръ тянуло могуче еще и потому, что полоса безвѣрія, отчаянія и пустоты создавала пытку, которую не было силъ переносить. Исканіе той соломинки, за которую можно было схватиться въ этой тоскѣ, въ этомъ чувствѣ гибели своей, заставило его съ отрадой глубочайшей обратиться къ большому, тихому мужицкому міру, который казался утвержденнымъ въ жизни, стоящимъ на чемъ-то прочномъ, живомъ, между тѣмъ какъ все остальное было безъ устоевъ и грозило проваломъ въ бездонную пустоту.

Но эта беспомощность является въ то же время истиннымъ выраженіемъ гениальной